

УГАСШИЙ МИР ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ¹

© 2020 г. В. Г. Вовина-Лебедева

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: varvara_yovina@mail.ru

Поступила в редакцию 15.06.2020 г.

После доработки 15.06.2020 г.

Принята к публикации 01.07.2020 г.

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся критериев оценки изложенного в летописях материала. Разбираются основные проблемы, всегда стоявшие перед исследователями древнерусского летописания: достоверность летописи как исторического источника (дан обзор работ ряда исследователей, включая недавнюю книгу А.П. Толочко) и поиск скрытого смысла летописных текстов (анализ взглядов И.П. Ерёмкина, С.Я. Сендеровича, И.Н. Данилевского). Рассмотрены наиболее спорные вопросы текстологии летописания, в частности, значение дошахматовского периода, оценка трудов А.А. Шахматова современными исследователями (А.А. Гиппиус, Т.В. Гимон и др.), критика А.А. Шахматова и отказ от одних звеньев его схемы и укрепление других, соотношение летописных сводов и погодных записей, особенности летописания на пергамене, анализ языка летописей, признаки заимствования текста в летописи.

Ключевые слова: летопись как исторический источник, Повесть временных лет, средневековые хроники, история русского летописания, текстологические исследования, сравнительно-исторические исследования, источниковедение, историография.

DOI: 10.31857/S0869587320090078

Известный исследователь древней Москвы и русского средневекового быта И.Е. Забелин писал: “И что ж непосредственно вводит нас в этот угасший мир, где всё спуталось, переплелось, стёрлось и, главное, утратило запах жизни, если так можно выразиться, стало всё каким-то безразличным отвлечением?” [1, с. 63]. Образ “угасшего мира”, утратившего “запах жизни”, кажется удачным. Проводя историческое исследование, мы как будто оживляем навсегда ушедший в не-

бытие мир, используя сохранившиеся следы его, которые называем источниками, а также нашу логику, профессиональные навыки, жизненный опыт, здравый смысл и, наконец, воображение. Мы не можем отделить всё это от процесса исследования. Стоит ли удивляться, что у каждого из нас ожившие фигуры “угасшего мира” двигаются по-разному и выглядят не всегда похоже? В каком-то смысле это и должны быть разные миры. Но мы можем показать друг другу наши ожившие картинки, объяснить, как именно мы их оживляли.

Судьба историков, изучающих русские древности, навсегда определена тем, что имеются подробные и обширные рассказы о начальной истории Руси в летописях, и нет достаточного количества других источников, чтобы подтвердить или опровергнуть их. Неудивительно, что все главные вопросы о сути древнейших периодов русской истории, да и более поздних, вплоть до XVII в., вращаются вокруг оценки летописных известий как исторического источника.

Это было ясно с самого возникновения науки о русских древностях, и основные вопросы, касающиеся летописания, стали очевидными уже тогда. В конце XIX – начале XX в. трудами А.А. Шахматова исследование летописей подня-

ВОВИНА-ЛЕБЕДЕВА Варвара Гелиевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПбИИ РАН.

¹ Статья перепечатывается из журнала “Российская история” (2019. № 4. С. 3–27).

лось на новый уровень. И любопытно, что сегодня, когда мы становимся свидетелями очередного подъёма интереса к летописям, наука во многом движется на новом уровне по сходным траекториям. Попробуем выделить эти постоянно существующие научные дискуссии. Здесь пойдёт речь только о некоторых авторах из большого числа тех, кто писал и пишет о летописях и кто внёс в их исследование значительный вклад: я не могу даже перечислить всех и заранее приношу извинения. Не имея возможности привести обширную литературу по истории изучения летописания, в том числе посвящённую А.А. Шахматову и его методу, отмечу лишь, что недавно эта тема стала предметом нового монографического исследования [2].

Первый вопрос состоит в том, что представляет собой русское летописание как исторический источник. То, что тут есть проблема, стало ясно уже из работ А.Л. Шлёцера и Й. Добровского [3, с. 59–106]. По мысли Шлёцера, древнейшая русская летопись, которую он именовал “Нестором”, а мы обычно называем Повестью временных лет (ПВЛ), – выдающийся памятник, равно которому нет у других народов. Ни одну европейскую средневековую хронику он не мог поставить рядом. Шлёцер называл ПВЛ “первым, древнейшим, единственным, по крайней мере, главным источником” для всей славянской истории [4, с. 425]. В противоположность этому Й. Добровский вообще не считал средневековые хроники о древних временах, включая ПВЛ, ценными, полагая, что в них заключено слишком много “басен” и народных сказаний, выставляющих народы в древности более известными, чем они были на самом деле. Если Шлёцер ценил присутствие в ПВЛ преданий языческих времён (он так и не довёл своё критическое издание “Нестора” до крещения Руси), то Добровский иронически писал о “языческой теологии” у Шлёцера и высказывал сомнения относительно трактовки последним некоторых фактов славянского прошлого, сделанных на основании ПВЛ. Шлёцер был протестантом и к “средневековью”, то есть к христианской католической культуре, относился критически, считая удачей для России то, что она такой этап не переживала. В противоположность этому носитель католической традиции Добровский предпочитал тексты учёных средневековых книжников, в особенности византийских авторов, любым изложениям “славянской мифологии”, а славян до крещения считал диким и примитивным народом, отрицал “дунайскую теорию” их происхождения по ПВЛ и славянские древности в Европе.

Последняя линия в отношении ПВЛ нашла выражение в статьях М.Т. Каченовского и других скептиков. Филолог-классик Каченовский находился под впечатлением от трудов Б.Г. Нибура по истории Древнего Рима. Опираясь на теорию по-

следнего, Каченовский (который первым перевёл на русский язык одну из статей немецкого учёного) считал, что сообщения ПВЛ о древнейшем периоде истории носят баснословный характер и не заслуживают доверия [5]. Однако если Нибур полагал, что после критики баснословных известий необходимо провести работу по восстановлению текста первоначальных источников, отделяя вымысел от того, что заслуживает доверия, то его русские адепты сосредоточились главным образом на ниспровержении древних летописцев, на борьбе с “Нестором”. Позиция Каченовского вызвала волнение и раздражение большинства историков. У него появилось много антагонистов. Среди них – М.П. Погодин, одним из аргументов которого в защиту ПВЛ стало сравнение её с византийскими источниками. По мнению Погодина, если бы из употребления могла быть убрана ПВЛ, наши знания по древнейшему периоду истории Руси оказались бы беднее, но не противоречили бы теперешним, полученным на основании летописей, что свидетельствует о достоверности летописных известий [6, с. 78, 79; 7, с. 155–172; 8]. Спор между скептиками и антискептиками вскоре зашёл в тупик, поскольку и те, и другие использовали в качестве аргументов здравый смысл, и доводы обеих сторон вскоре истощились.

После появления работ А.А. Шахматова вопрос о достоверности летописных известий уже ставился иначе: речь шла о достоверности воссоздания древнейших этапов летописной работы на основании нового подхода, им предложенного. Весь XX в. прошёл под знаком шахматовской концепции: или принятия и развития его взглядов, или борьбы с ними. Трудно найти другое научное направление, споры вокруг которого не утихали бы столь долго. Уже одно это говорит о незаурядности его создателя.

В советской исторической науке идеи Шахматова и его метод часто понимались упрощённо или даже искажённо. Многим историкам, занимавшимся русскими древностями, таким как М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин и др., хотелось получить от текстологов точный ответ на некоторые вопросы: на какие летописи (или части летописей) опираться, исследуя социальную или политическую историю Древней Руси? Когда они созданы и кем? Какова идеологическая концепция летописцев и как это можно использовать при исторических построениях? В принципе, это же волнует нас и сейчас. Но проблема в том, что текстология, включая построения Шахматова, не могла дать точного ответа на эти вопросы.

В последнее время скепсис возродился. Новым скептиком оказался киевский историк А.П. Толочко. Он предпринял критическую атаку на предшествующую историографию, представшую цепью смешных ослеплений или неудачных

подтасовок. Автор пишет, что его книга – не научная монография, а курс лекций (что вовсе не даёт права на скидку в глазах читателя) [9].

Действительно, в работах Шахматова и построенной им схеме истории русского летописания много уязвимых мест, о чём хорошо известно всем, кто занимался этим предметом. Это сознавали ученики Шахматова – историки (так сложилось, что именно историки стали его первыми последователями), это всегда понимали и филологи. Много написано о том, что метод исследования летописей, предложенный Шахматовым, лучше всего проявил себя при работе с летописанием более позднего времени, от которого у нас сохранились многочисленные летописные списки, и поэтому там “радость сравнения”, как называл это Добровский, может проявиться в полной мере. Об этом писал Я.С. Лурье, научный “внук” Шахматова [10, с. 185–195]. В связи с продолжением шахматовской линии в исследовании общерусского и местного летописания XIV–XVI вв. назову лишь некоторые имена: М.Д. Присёлков, А.Н. Насонов, Я.С. Лурье, Б.М. Клосс, Г.М. Прохоров, А.Г. Бобров, Е.Л. Конявская, А.В. Сиренов. Этот список может быть значительно увеличен. Шахматов одни части своей схемы русского летописания набросал эскизно, другие проработал лучше, поскольку считал, что сохранившиеся летописи являют собой родственную семью, связанную общей генеалогией. Кроме того, Шахматов был учёным, в целом склонным к построению предположений, гипотез и догадок (Я.С. Лурье чётко разграничивал в научном исследовании гипотезы и догадки, в значительной степени для того, чтобы показать, как они различаются в работах Шахматова. Он считал реконструкцию начального этапа летописания не лучшей частью системы, построенной Шахматовым, поскольку при её создании автор не мог по-настоящему использовать сравнительный метод. Но сам Шахматов рассматривал анализ именно ранних летописей в качестве своей главной задачи, а к исследованию летописания более поздних текстов пришёл прежде всего потому, что в них сохранился текст ПВЛ). Он и при малом количестве материала не отказывался от них, считая, что даже ошибочные предположения всё же оказываются полезными [2, с. 188–190]. Поэтому схема истории летописания XIV–XVI вв., созданная Шахматовым, сейчас многократно уточнена, из неё убраны наиболее слабые звенья. Но в целом она устояла на протяжении столетия.

А.П. Толочко не принимал этого в расчёт. У него А.А. Шахматов в работах по раннему летописанию выглядит утрированно непрофессиональным фантазёром. В “мире Шахматова” (выражение Толочко) якобы не работают обычные законы логики, всё вывернуто каким-то сложным образом наизнанку в угоду непонятному ходу мыслей создателя этого мира. Согласно Толочко,

весь XX в. прошёл в обстановке странной пассивности остальных учёных, входивших в шахматовский мир и подпадавших под очарование его сложных построений настолько, что они уже не могли воспринимать их критически. Это представляется неверным и несправедливым не только по отношению к Шахматову, но и к его продолжателям. Реконструкция древнейших летописных сводов, предпринятая исследователем, давно уже подвергнута тщательному разбору. Многие историки и филологи ставили её под сомнение. Фактически, во второй половине XX в. произошёл отказ от большинства начальных звеньев шахматовской схемы. И если другие элементы её до сих пор уцелели, хотя получили во многом уже другое наполнение, то это значит, что они работают (по крайней мере в глазах значительного числа исследователей). И эти исследователи – учёные нового поколения, наши современники, которых нельзя заподозрить в том, что они находятся под гипнозом шахматовских построений более чем столетней давности (увлекшись критикой предшественников, Толочко, как это часто бывает, фактически придумал себе оппонента, который, слепо веря Шахматову, просто использует его выводы, стараясь их лучше запомнить и не вдумываясь в аргументацию [9, с. 27, 28]).

Главная идея А.П. Толочко состоит в том, что рассказ ПВЛ, отстоящий более чем на 200 лет от событий, с которых начинается изложение истории Руси, не следует принимать во внимание как источник. Именно так расцениваются и легендарные начала некоторых европейских хроник. Но тогда необходимо опровергнуть идею Шахматова о том, что в ПВЛ отразились более древние летописные произведения, наиболее ранние из которых исследователь датировал временем княжения Ярослава Мудрого. С раздражением против “безнадёжно поздней” ПВЛ Толочко пишет о задаче, якобы поставленной Шахматовым: «Своими впечатляющими разысканиями о древнейших русских летописных сводах Шахматов предложил науке выход из кризиса и создал методологическую ситуацию, при которой вновь можно было практиковать “летописную историю” без смущения и внутреннего конфликта». Тем же стремлением были охвачены, по мнению Толочко, и другие учёные. Сложные вопросы, над которыми задумывалось не одно поколение текстологов, например, о методе работы древнерусских книжников, о том, как составлялись летописные компиляции, как проводилась правка рукописей, – всё это Толочко решает легко, объявив, что у древних книжников просто не было пространства, подобного современному письменному столу, где они могли бы разложить для сличения сразу несколько пергаменных рукописей [9, с. 30, 32–34].

Сама мысль о том, что “пергаменный” и “бумажный” этапы в истории книжности следует

изучать, учитывая их специфику, справедлива. Толочко вообще ставит немало закономерных вопросов, например, почему пергаменная рукопись Начального свода (Нсв), по Шахматову — источника ПВЛ, не сохранилась в Киево-Печерском монастыре, где она была создана? “Как случилось, что печеряне вмиг перестали интересоваться собственной книгой, никогда не переписывали её и не делали выписок, без сопротивления покорившись традиции, исходящей из соседнего — гораздо менее авторитетного — монастыря?” Этот вопрос, действительно, не может не приходиться в голову. Варианты ответов на него предлагались и Шахматовым, и современными учёными, например, А.А. Гиппиусом. Однако Толочко их даже не рассматривает, уверенно замечая: «Похоже, в Печерском монастыре тоже не знали о “Начальном своде”». Кстати, в историографическом плане интересно, что Толочко тем самым прикинул к учёным, видящим летописание не единым генеалогическим древом (подобно А.А. Шахматову и его последователям), а рощей отдельных деревьев (как считал, например, А.Г. Кузьмин). Одно из таких деревьев могло расти от корня Нсв, минуя ПВЛ. И то, что это дерево, по мнению Толочко, не выросло, для исследователя — аргумент в пользу того, что и самого корня, такого как Нсв, не было.

Картина древнейшей истории Руси без ПВЛ, нарисованная А.П. Толочко, конечно, имеет право на существование. Но, как и другие варианты объяснений летописного текста, она уязвима. У Толочко автор ПВЛ (Сильвестр, как он полагает) оказался человеком, мало что знавшим о прошлом Киева и княжеского рода. Зато он был искусным книжником, “создавшим потрясающую историю и замечательное литературное произведение”. В некоторых случаях Толочко этому тексту доверяет, упоминая, например, “династическое предание киевских князей, общему смыслу которого можно доверять” [9, с. 98, 100, 105, 217, 225]. Ещё одним уязвимым моментом можно считать то, что, проявляя гиперкритицизм в отношении ПВЛ, автор почему-то абсолютно доверчиво относится к византийским и арабским источникам, хотя иностранные известия всегда содержат многочисленные искажения, даже если они писались очевидцами. И, как это почти всегда бывает, критикуя других за недостаток аргументов, Толочко сам предаётся фантазиям, например, предполагая, откуда в летописи могли появиться Аскольд и Дир и почему летописцу пришлось создать «две отдельные “княжеские” биографии» и “предполагать их совместное правление, совместный поход и одновременную смерть”. Непопятно, чем эта серия нанизанных одно на другое предположений лучше того, что предлагали учёные шахматовской школы. Это яркий пример серии догадок, которые Я.С. Лурье называл рассуж-

дениями по принципу “почему бы и нет?” В другом месте автор обвиняет предшественников, в частности Шахматова, в том, что они аргументируют свои предположения, прибегая к “тонким подтасовкам”, например, приписывая себе знание хода действий летописца, который “подумал так-то”, решил сделать то-то, ошибся там-то [9, с. 48, 62, примеч. 70]. Но и сам Толочко часто действует аналогично и точно так же, как и предшественники, опирается в рассуждениях на собственные гипотезы и догадки. При ответе на вопрос, как появилась хронология начальной части ПВЛ, он рассуждает следующим образом: поскольку древнейшая история “рассчитана при помощи дат византийско-русских договоров” (предположение, продвигаемое в книге, но здесь фигурирующее уже как некая истина), а «ни один из предполагаемых “предшествовавших” сводов не знал о существовании договоров», то там же впервые возникла и хронология. Перед нами пример построения, где одно предположение подкрепляет другое и наоборот. Предложив новую схему построения ПВЛ, Толочко в основу её кладёт “хронологическую симметрию”, показывающую, что промежутки между важными по летописи событиями оказываются одинаковыми или симметричными (кратными трём или несущими другой символический смысл). В целом та часть книги Толочко, где он предлагает смотреть на тексты договоров с греками как на ядро, из которого вышел весь древнейший текст ПВЛ, представляет интерес, вне зависимости от того, соглашаться с выводами автора или нет. По мнению Толочко, “даты трёх договоров разметили пространство X века”, в том числе определили первую дату ПВЛ 852 г. Конечно, это лишь одно из возможных объяснений, поэтому непримиримость к сторонникам других трактовок указанной даты (достигали своего “путём тонких подгонок в рассуждениях”) вызывает изумление.

Нам сейчас трудно понять замысел летописца и, вероятно, ни у кого не может быть монополии на его истолкование. Вывод об искусственности всей начальной хронологии ПВЛ не нов, но продолжает играть важную роль при обращении к памятнику. Давно замечено, что князья, по летописи, живут подозрительно одинаковое число лет, умирают сразу после похода и заключения договора, что в договорах упомянуты отсутствующие в летописи родственники князей. Рюрикoviчи, видимо, действительно, были лишь одним из скандинавских родов, которые боролись за господство на речных путях, истребляя своих соперников. Дата 882 г. (захват князем Олегом Киева), и тем более дата 862 г. (“призвание варягов”), никогда серьёзными исследователями не принималась буквально. Древнерусская культура до принятия христианства была бесписьменной, следовательно, все даты до конца X в. хотя бы по этой

причине должны приниматься как дань традиции. И сразу же после крещения не могли возникнуть исторические записи с датами, ведь их ещё следовало как-то определить, а сразу перейти от отсутствия письменности к составлению исторических хроник — задача почти фантастическая.

А.П. Толочко, возмущаясь против того, что он воспринимает как засилье шахматовской традиции, довольно дидактично указывает в эпилоге: “Древнейшее прошлое Восточной Европы нельзя излагать так, как заведено — пересказывая Повесть временных лет” [9, с. 305]. Но, вопреки Толочко, историки обычно так и не делают, и картина ранней истории Руси, нарисованная им, во многих аспектах уже написана его предшественниками. Начиная со времён В.О. Ключевского решающее значение в становлении Древнерусской державы придают торговле; эта точка зрения подкреплена данными археологии [11, с. 151–163]. О значении рабства в Древней Руси и о работорговле также давно писали (см., например, работы Б.А. Романова, С.В. Юшкова, И.Я. Фроянова и др.). Между тем Толочко критикует С.М. Соловьёва, как будто более новой историографии не существует. “Хронологическая” же гипотеза Толочко объясняет некоторые части текста ПВЛ, но далеко не все, как не все подробности летописного рассказа могут быть выведены из договоров Руси с Византией или из киевских топонимов. Объявить остальное просто “баснословием” — тоже не решение вопроса, ведь тогда мы должны понять, откуда и как возникло именно данное “баснословие”. Толочко отмечает эту проблему и просто пишет о тексте ПВЛ, «“засорённом” известиями самыми разнообразными, хаотичность которых скрывает первоначальный рисунок» [9, с. 65, 66].

В книге, как уже говорилось, можно найти интересные замечания, согласующиеся с подходами к ПВЛ, которые свойственны некоторым предшественникам. Анализируя легенду о посещении будущей Руси апостолом Андреем и констатируя, что она не согласуется с другими утверждениями летописца (о том, что Русь не знала апостольской проповеди, или что проповедовал апостол Павел), Толочко замечает: “Читателю современной выучки кажется, что подобные утверждения несовместимы в одном тексте, но, вероятно, средневековый автор не рассматривал их как совершенно исключают друг друга” [9, с. 90]. Это предположение в очередной раз отделяет Толочко от шахматовского направления, всегда исходившего из того, что изначальный текст должен быть логичным и связным и что нарушение логики, как правило, — показатель вставки или соединения в этом месте нескольких источников [12]. Таким образом, выход книги Толочко — весьма интересное явление, показывающее, что скептическое направление, возникшее в самом начале исследования древнейших русских летописей,

продолжает существовать, и к нему нужно относиться серьёзно. Как любой совершенно иной, по сравнению с большинством существующих подходов, взгляд, он очень полезен, поскольку обнаруживает слабые места других концепций.

Думаю, вряд ли стоит подробно писать о том, что по вопросу о достоверности летописей как источника большинство исследователей истории Древней Руси стоят сейчас на позиции, противоположной позиции Толочко. Учёные разных направлений, часто совершенно не сходящиеся друг с другом в концепциях (М.Б. Свердлов, В.А. Кучкин, И.Я. Фроянов, А.В. Назаренко, А.Ю. Дворниченко, П.С. Стефанович, П.В. Лукин и многие другие) равно опираются на летописные тексты, зачастую предлагая собственные интерпретации рассказов ПВЛ и Новгородской первой летописи (Н1), а также взгляды на историю их текстов. В ряде случаев исторический анализ даёт неожиданные аргументы в пользу достоверности сообщений летописи. Так, в работах Назаренко среди многих оригинальных гипотез по поводу летописных сообщений я бы обратила внимание на мысль, касающуюся сообщений летописи о княжениях Святослава Игоревича, Владимира Святославича и Ярослава Мудрого, то есть тех известий ПВЛ, которые как раз ставятся под сомнение в книге Толочко. В ряде статей Назаренко сопоставил княжеские разделы означенного времени по ПВЛ и соответствующие явления из истории Франкского государства VI–IX вв., обнаружив явное типологическое сходство. По его мнению, с точки зрения типологии, содержание, например, “ряда” Ярослава Мудрого (так, как он изложен в ПВЛ) не вызывает сомнений. Летопись здесь “сохраняет характер делового распоряжения и вполне узнаваемые черты завещательного формуляра”, что (даже при учёте того, что всё это “преломляется через призму политических представлений летописца рубежа XI–XII вв.”) является “косвенным свидетельством достоверности летописного рассказа” [13, с. 8, 14, 69, 70, 73–75, 82; 14, с. 593–654]. Таким образом, сравнительно-исторические исследования могут дать дополнительный материал для суждений об исторической ценности рассказов ПВЛ.

Проблема достоверности летописных известий связана с трактовкой летописных текстов и поисками скрытого в них смысла. Написанная 60 лет назад небольшая книжка И.П. Ерёмкина, одного из наиболее талантливых филологов школы В.Н. Перетца, не потерялась в массе научной литературы, посвящённой ПВЛ [15, 16]. Он подверг критике ту сторону шахматовской школы, которая всегда ценилась историками: “критерий политических суждений”, то есть утверждение, что летописец был политиком, а не бесстрастным наблюдателем событий. Ерёмкин попытался воссоздать особую картину мира летописца, отлич-

ную от современного человека. По его мысли, первый, как правило, просто регистрировал события факт за фактом, иногда сопровождая это краткой моральной оценкой, напоминая, особенно в некоторых случаях, что всё в мире происходит по воле Божьей. Поскольку события подчиняются непостижимой божественной воле, летописцу не было нужды логически связывать их. И поэтому летопись представляет “ряд фактов, выпавших из своего реального, конкретного в каждом отдельном случае, причинно-следственного контекста”, но эта фрагментарность и внутренняя противоречивость летописного повествования, по Ерёмину, были естественно присущими ему особенностями. Каждая оценка летописца (события или же человека) — “особая замкнутая в себе система показа”, и с этим связаны известные противоречия в оценках летописью одного и того же героя.

Рисуя картину внутреннего мира “летописно-го человека”, Ерёмин намного опередил своё время, в ней уже проявлялись черты герменевтического исследования. Книга подверглась критике, в том числе со стороны Д.С. Лихачёва. Позиция Ерёмина в отношении ПВЛ противоположна шахматовской: хотя он и не касался вопроса о предшествующих ПВЛ сводах, по сути, подходил к её тексту как к созданному единовременно. Противоречия в тексте, которые Шахматову представлялись признаками вставки, по Ерёмину были следствием особой философии истории, присущей летописцу.

Через много лет после смерти И.П. Ерёмин отчасти родственный ему подход к раннему летописанию предложил С.Я. Сендерович, полагавший, что исследование ПВЛ зашло в тупик: “В отношении начального летописания для послешахматовского периода приходится признать отсутствие серьёзного прогресса, а может быть, и состояние кризиса, возрастающего в течение всей второй половины XX в.”. Поскольку “эмпирический материал настолько сложен, противоречив и кардинально недостаточен”, каждый исследователь “создаёт свою собственную фрагментацию текстов на основе выбранных им ограниченных критериев или выбирает некоторый набор аргументов в массе возможных” [17]. Фактически Сендерович отказался от восстановления первоначального вида ПВЛ и изучения истории её текста, прямо заявив, что “попытки расчленения ПВЛ, выяснения последовательности фаз её складывания, различение в ней более ранних сводов, принадлежащих определённым летописцам, выделение ядер и протоядер — всё это представляет собой сегодня поле разноречивых спекуляций, опирающихся на остроту ума исследователя”, которые можно охарактеризовать как “перетасовки аргументов” или “неверифицируемые гипотезы о безнадёжно утраченных фактах”. По мнению Сендеровича, провести границы между текстами разных

летописцев нельзя, ибо каждый последующий составитель свода “не просто добавлял свой материал, но нередко подвергал обработке весь переписываемый материал”, становясь участником “единой работы”.

Особое внимание С.Я. Сендерович уделил необходимости для ранних летописцев подключить историю своего народа ко всеобщей, что потребовало особых историософских схем, и вот их, по его мнению, можно выделить в ПВЛ. Он, например, увидел в ней “двоичность построения”, проявившуюся в постоянном сопоставлении двух Владимиров (Владимира Святого и Владимира Мономаха), при том что история каждого из них также делилась надвое, и каждая часть сопровождалась пересказом всеобщей истории. Сендерович нашёл в тексте ПВЛ оппозицию героев с противоположными по смыслу корнями в именах: Святополка и Владимира. Оба Владимира — младшие ветви рода, отобравшие власть у старшего брата (подобно библейскому Иакову), поэтому в тексте осуждаются убийства старшими младших (Святополком Бориса и Глеба как Каином Авеля). Как и в случае с Ерёминим, текст ПВЛ воспринимается Сендеровичем как единый, поскольку “дело совсем не в том, что разные статьи о Святополке написаны, возможно, разными летописцами”, а в том, почему редактор “счёл возможным сохранить” эти звенья одной концепции.

Желание пересмотреть отношение к традиционной текстологии летописания на рубеже столетий носилось в воздухе. Тогда же начали выходить статьи И.Н. Данилевского, а затем его итоговая монография, наиболее ярко демонстрирующая герменевтический подход к русскому летописанию [18, 19]. Автор провозгласил обращение “к неоригинальным сведениям источника”, к “общим местам”, с принципиальным уходом от разработки проблемы достоверности летописных сообщений. Как и Ерёмин, Данилевский принял в качестве аксиомы то, что “наш образ мира принципиально отличается от образа мира древнерусского автора”, и “способы описания его различны”. В отличие от Сендеровича, он не отмежевывался от критического метода и высоко оценил достижения школы Шахматова, хотя фактически на них не основывался. Но Данилевский не согласился с Д.С. Лихачёвым и Я.С. Лурье, полагавшими, что у людей прошлого не было особого мышления (в противном случае мы не могли бы понимать сочинения средневековых авторов).

Если И.П. Ерёмин полагал, что поиски обязательных логических связей в летописном рассказе излишни, поскольку летописец описывал всё, что знал или слышал, ничего не пропуская, то Данилевский поставил целью обнаружить замысел летописца и вскрыть его подтекст [18, с. 13, 29]. Для этого он, в частности, исследовал ориента-

цию летописца на образцы и устойчивые клише, провозгласив себя преемником в этом смысле Д.С. Лихачёва и О.В. Творогова [20–22], и сам привёл впечатляющие примеры таких клише [18, с. 52, примеч. 116–119]. Данилевский объявил, что летописи составлены по “центонно-парафрастическому принципу”: текст складывался из частичек другого текста как своего рода коллаж, подобно тому, как христианские памятники архитектуры включали при постройке античные колонны, а иконы ориентировались на готовые иконописные подлинники. Поскольку в случае летописания такими частичками были в основном тексты Писания, по мнению Данилевского, подавляющее большинство из них можно установить. Возможно, всё это было связано с приёмами обучения книжности, при которых священные тексты заучивались наизусть.

По Данилевскому, летописец – искусный составитель коллажа, играющий отрывками известных ему и читателю текстов, составляющий из них мозаику, имеющую подчас другой, нежели изначальные отрывки, смысл. Невольно возникает впечатление, что речь идёт не о средневековом книжнике, а об авторе эпохи постмодернизма. Ориентация на образцы – действительно важный момент древнерусской культуры, хотя приводимые Данилевским примеры касаются в основном поворотных моментов летописного повествования. В изложении же рядовых событий виден, скорее, более простой приём: писать, как в старых текстах, которые летописец когда-то видел или читал. И хотя на первый взгляд кажется, что предложенный Данилевским подход несёт очевидную пользу историкам (если что-то в тексте оказывается цитатой из Писания, это следует выявить, чтобы не принимать символ за действительность), и многие наблюдения Данилевского были поддержаны коллегами, не все они убедительны. Например, трактовка слов “на Руси есть веселие пити, не можем без того быти” как параллель с Книгой Премудрости Иисуса, сына Сирахова (“что за жизнь без вина? оно сотворено на веселие людям”) кажется интересным наблюдением. Но далее рассуждения историка представляются неоправданно усложнёнными: по его мнению, истинный смысл реплики открывается при обращении к Толковой Палее и образу вина как крови Христовой, так что “ответ Владимира прообразует принятие им христианства” [18, с. 98]. Другие приводимые Данилевским случаи прямого или косвенного цитирования также не могут быть интерпретированы однозначно. Что касается “невидимых библеизмов”, как называется их исследование, то тут наиболее интересно введение им элементов, которые ранее представлялись пришедшими из устных источников, в поле письменной традиции, хотя не все примеры одинаково удачны. Так, вывод о том, что слова

“Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ” связаны с фразой 111 псалма (“обилие и богатство в доме его, и правда его пребывает вовек”) не кажется очевидным. Также не слишком убеждает, что библеизм виден в требовании волхвов: “Нама стати пред Святославомъ, а ты не можешь створити ничтоже”, поскольку здесь «можно видеть не только ссылку на статью Русской Правды, запрещающую мучить смердов “без княжьего слова»», но и слова апостола Павла: “Разве вам положено бичевать римского гражданина, да и без суда?” [18, с. 106]. О мнимости библеизмов, найденных И.Н. Данилевским в ПВЛ, уже писали [23]. Трактовка рассказа о хазарской дани, где “меч обоюдоострый” есть признак богоизбранного народа, и значит, в летописном рассказе заложена идея преимущества христианства над иудаизмом, тоже порождает ощущение неуверенности. Автор не приводит прямых текстуальных заимствований, настроение летописного рассказа и библейских текстов различны, и традиционный взгляд, согласно которому здесь перед нами устное предание, попавшее в летопись, на этом фоне не проигрывает.

А вот ответ варяга-мученика о языческих идолах (“Не суть то бози, н[о] древо... не ядят бо, ни пьютъ, ни молвятъ, но суть дѣлани руками в деревѣ”) действительно наводит на мысль о цитате из Ветхого завета (“И будете... служить богам, сделанным руками человеческими из дерева и камня, которые не видят и не слышат, и не едят, и не обоняют”). Тут Данилевский, как кажется, нашёл источник летописца, будь это использование текста или запомнившиеся летописцу когда-то слова. Также удачно вскрыто уподобление Владимира, строящего храм, библейскому Соломону [18, с. 109].

Таким образом, мы выходим на главную проблему такого рода исследований: каковы критерии при оценке убедительности параллелей? Беда в том, что интерпретаций можно придумывать множество, особенно, когда речь идёт о так называемых бродячих сюжетах. Так, Данилевский считает, что в рассказе ПВЛ о сожжении Искоростеня маленький Святослав бросил в сторону древлян копьё, подобно библейскому Иисусу Навину, а между тем можно с таким же и даже большим успехом предположить, что это знаменитое “копье Одина”, которым начинали битву древние скандинавы. Другая параллель, приводимая Данилевским, – о сходстве описания смерти Святослава и чаши, изготовленной из его черепа, с рассказами хроник Манассии и Георгия Амартола о смерти императора Никифора I – кажется более удачной. Однако что она нам даёт? Данилевский сам не может сказать, является ли это “описанием сходных событий, литературным заимствованием или же культурной традицией тюркоязычных народов” [18, с. 125]. По его мнению, разыскать завуалированные цитаты текстологически невозможно. И это говорит о том, что мы возвра-

щаемся к интуиции, хотя Данилевский и пишет, что “насушной задачей становится разработка методики разыскания и доказательства подобных репрезентаций библейских текстов в древнерусских литературных произведениях”.

В книге проводится мысль, что Писание для летописца служило “семантическим фондом, из которого оставалось лишь выбрать готовые клише для восприятия, описания и одновременной оценки происходящего”, тогда как “индивидуальное творчество затрагивало главным образом форму и в гораздо меньшей степени — содержание летописного сообщения” [18, с. 139]. Но мы знаем (правда, из более поздних летописных текстов), что как раз форма летописного сообщения была зачастую весьма традиционна, и словесные сочетания, синтаксические конструкции кочевали из одного текста в другой, причём содержание сообщений могло совершенно различаться (под поздним летописанием я подразумеваю тексты XV–XVII вв. Сознаю, что проведение тут параллелей с ПВЛ не вполне корректно, однако, поскольку традиции древнерусской книжности были очень устойчивыми, это должно стать предметом специального исследования). И.Н. Данилевский сам привёл выразительный пример того, как события в летописи описываются одними и теми же словесными формулами при различном содержании: речь идёт о жестоких действиях руси в окрестностях Константинополя во время похода князя Олега, то же — во время похода князя Игоря, и то же — в Лаврентьевской летописи при описании монгольского нашествия на Рязань. Все три случая восходят к Откровению Мефодия Патарского и Житию Василия Нового.

По мнению И.Н. Данилевского, летописец был охвачен творческой идеей: показать Русскую землю как Землю Обетованную, описать князей определённым символическим образом, подать Киев и Переяславец на Дунае как Новый Иерусалим, Святослава как Кира, Владимира как Соломона, Ярослава как Иакова (кстати, оба хромые) и проч. И уже непонятно, зачем этому изошрённому экзегету, озабоченному тем, чтобы создать “полисемантический текст”, вообще было вести повествование по годам, скучно перечисляя, кто, на кого и когда “пошёл”? К тому же требуется объяснить, почему ранние летописцы, которые, по-видимому, действительно отличались от позднейших хотя бы тем, что у них ещё не было предшествующих летописей как образцов и они должны были всё делать впервые (на что справедливо указывают С.Я. Сендерович и А.П. Толочко), сразу оказались опытными экзегетами, а их наследники — сплошь и рядом просто компиляторами. Кажется, должно быть наоборот, поскольку первоначально не было устойчивой традиции, существовало меньше книжных людей, и всё шло по линии накопления, а не утраты навыков. Видимо, мы должны смириться с тем, что только в

некоторых случаях можно понять “полисемантическую” летописи (тем более я не разделяю уверенности Данилевского в том, что она была неотъемлемым признаком летописной книжности). Похоже, исследователь поддался действительно великому соблазну, всегда возникающему после одного или нескольких удачных сопоставлений, рассматривать весь доступный материал под сложившимся один раз углом зрения, то есть действовать по принципу “всё, что встретим на пути, может в пищу нам идти” (этой фразой из Давида Бурлюка Я.С. Лурье однажды с юмором охарактеризовал научное творчество своего друга А.А. Зиминына в письме к последнему. Неопубликованные письма Лурье и копии писем Зиминына хранятся в Архиве СПбИИ РАН). Представляется, что расценивать весь текст ПВЛ как “вариации на библейскую тему” пока нет оснований.

И, конечно, очень сомнительна идея, что летописец сознательно свои мысли не высказал прямо, чтобы читатель дошёл до них окольным путём. И.Н. Данилевский полагает, что текст летописи писался “для посвящённых”, которые должны были разгадать авторскую загадку. Поэтому библейские параллели вставлялись изначально скрытно, и летописец “посредством таких сокровенных характеристик всегда имел возможность провести в создаваемом им тексте свою, отличную от заказанной (если, конечно, такой заказ был), точку зрения” [18, с. 177]. Получается, что даже от “заказчика” летописец тайл смысл своего текста. Невольно хочется спросить вместе с героем А.С. Грибоедова: “Зачем же так секретно?” К тому же, согласно Данилевскому, летописец заимствовал не просто части текстов, а отдельные идеи из Библии, а потом творчески эти идеи перерабатывал, накладывал на материал, непонятно откуда взятый. Ведь если рассказ о хазарской дани — не местная легенда, значит, летописец его специально придумал для того, чтобы таким сложным путём провести мысль о торжестве христианства (хотя почему-то поместил в том месте, где речь шла ещё о язычниках-полянах). Как мы знаем по более поздним текстам, уже в XV–XVII вв. свои источники летописцы обычно так не камуфлировали: они чаще просто переписывали их, порой дословно, иногда с сокращением или, наоборот, амплификациями.

И.Н. Данилевский заимствовал у Ю.М. Лотмана понятие “многоярусной семантики”, но нужно помнить, что книга, на которую он ссылается, называется “Структура художественного текста”. Второе слово тут определяющее. Является ли текст летописи в полном смысле “художественным текстом”? По Данилевскому получается, что да, поскольку “форма, в которую облечён буквальный смысл, может представлять аллюзию, соотносящую описываемое с известными библейскими персонажами, ситуациями и сюжетами, и таким образом придавать летописному

тексту дополнительную глубину, намекать на сущность происходящего». Но так ли это? Зачем намекать, если можно прямо сказать? И если в ряде случаев приводятся прямые отсылки к тексту Писания, тогда почему в других — намёки? Ведь в ПВЛ речь идёт о серьёзном: о создании княжеской державы, о войнах и власти, о крещении и первых святых, о понимании новой веры, о новой морали. Не специальная же это, в самом деле, литературная игра — не очень характерная вещь для Средневековья!

Наконец, вызывает вопросы трактовка И.Н. Данилевским названия ПВЛ. Это одно из наиболее известных мест книги, и данному сюжету сначала была посвящена отдельная статья [24]. Автор сумел предложить действительно свежий взгляд на, казалось бы, заезженный фрагмент текста. Момент с избранием Руси «на последние времена» и чтение «временных», а не «временных» лет — интересный вариант трактовки. Но построен ли весь текст ПВЛ под углом эсхатологии? То, что «временные лета» можно понимать как «последние времена», возможно, и достойная внимания идея. Но стоит ли относиться к ней как к «программе ПВЛ»? Тут, как во всяком хорошем деле, нужно уметь вовремя остановиться. По Данилевскому, летопись считалась «специфическим «документом», который должен был фигурировать на Страшном суде», и предназначалась Тому, «Кому, в конце концов, должны были попасть летописные тексты», а «уж Он-то, вне всякого сомнения, мог разобраться с любым «ребусом», созданным человеком» [18, с. 239, 267]. Но неужели летописец мог думать, что Спасителю, чтобы произвести суд, нужна летопись или любые другие письменные донесения? Разве Он и так не знает всё и намного больше? Создаётся впечатление, что опытный экзегет-летописец Данилевского слишком буквально понимал выражение «небесная канцелярия».

В целом герменевтический подход И.Н. Данилевского демонстрирует нам дополнительные возможности в исследовании летописания. Это направление уже дало и ещё даст много важного и полезного материала, хотя и не может считаться единственным при обращении к летописи. Историки в значительной мере не могут принять подход Данилевского, поскольку им нужен более надёжный материал. Они, в большинстве своём, полагаются на результаты текстологических работ, надеясь таким образом получить первоначальный (что расценивается как правильный) текст, на который затем можно будет опираться.

Я.С. Лурье показал, что, если основываться на летописании позднем и официальном, реконструируется одна история Руси, а если на раннем и независимом — совершенно другая [25, 26]. Соответственно, летописный текст, перед тем как

стать историческим источником, должен пройти предварительную обработку с целью выделения в нём ранних и поздних слоёв. Это понимали уже в XVIII в. За А.Л. Шлёцером стояла школа геттингенских библеистов. Тогда исследование текстов рассматривалось прежде всего как необходимый этап подготовки их издания. Считалось, что издавать нужно изначальный текст, а не то, что испорчено в результате многовековой традиции переписывания. В соответствии с этим Шлёцер, считавший ПВЛ авторским сочинением, составленным монахом Нестором, задачу видел в воссоздании первоначальной летописи, искажённой в результате рукописной традиции. Остальные напластования (поздние списки и проч.) — лишь материал, позволяющий добраться до основ. Шлёцер полагал, что это возможно, и ПВЛ стала первым в истории науки не библейским и не классическим текстом, к которому применили приёмы, разработанные для последних. Но сам он, как известно, работу до конца не довёл и последователей среди русских учёных не имел. Предложенный И. Добровским метод сравнения летописных вариантов, ведущий от более поздних к более ранним, вплоть до того, который можно назвать *das Urtext* [27, предисл.], связан с опытом его лингвистических классификаций. По сути, он первым применил на материале летописания те же приёмы, что и при работе с материалом языка [2, с. 87, 88], но не был оценён современниками по достоинству. Шлёцер и Добровский были лингвистами, а летописи в России считались епархией историков, подходивших к ним совсем иначе. Сообщения летописцев, иногда довольно туманные, допускали разную интерпретацию и построение на этой основе многочисленных исторических концепций. Кроме того, следовало ещё освоить огромный материал летописных списков. Требовалось их издать, чем и занялась Императорская археографическая комиссия. По мере опубликования томов Полного собрания русских летописей картина, предстающая перед историками, оказывалась всё более и более запутанной. Поэтому было важно совершенствовать приёмы обращения с летописями и найти не слишком сложный метод, чтобы как-то подступиться к этому морю противоречивой информации.

Во второй половине XIX в. после работ Н.К. Бестужева-Рюмина [28; 2, с. 150–173] историки стали текст летописи расслаивать на две составляющие: погодные (анналистические) записи и отдельные летописные сказания. Этот приём был обязательным вплоть до начала XX в. В сохранившихся анналистических фрагментах летописи принято было видеть следы древних летописей отдельных княжеств. Предполагалось, что эти летописи когда-то соединили (свели) друг с другом и дополнили более пространственными историческими сказаниями о наиболее важных, с точки зрения

летописцев-сводчиков, событиях. Понятие “летописного свода” у П.М. Строева и его учителя М.Т. Каченовского, вероятно, служило отражением идей, пришедших из европейской текстологии, например, от Фридриха Вольфа и Готфрида Германа. Эти два немецких филолога, изучавшие тексты “Илиады” и “Одиссеи”, пришли к выводу, что дошедшие до нас редакции не отражают первоначальную структуру произведений, а являются собранием разновременных и разнонаправленных текстов, сведённых воедино в гораздо более позднее время [2, с. 134–143; 29, с. 3–12]. То, что сохранившиеся и дошедшие до нас памятники представляют собой не изначальные анналы, а продукт их вторичной обработки, то есть “летописные своды”, считалось главным достижением науки XIX в. в определении природы летописания. Но понятие “свода” использовал и тот, кто разрушил данный метод, объявив его устаревшим и ненаучным. Учёный совершенно другой выучки, А.А. Шахматов подошёл к летописям как к чистому полю, как к материалу, не затронутому до того анализом, (он был лингвистом-компаративистом, учеником Ф.Ф. Фортунатова и нёс в себе почти все главные признаки фортуноватской школы [30, с. 76–88]).

История летописания по А.А. Шахматову – это история летописных сводов, связанных друг с другом. В основе сводов, по его мнению, лежали не первичные летописи (как полагали ранее), а такие же, но более ранние своды, то есть картина оказалась гораздо более сложной. Такие своды-матрешки сохранились в основе всех дошедших до нас списков летописей, но их ещё требовалось воссоздать, поскольку они существовали в чистом виде (без дополнений и переработки) лишь в короткий момент после своего составления. Затем, как днища старинных кораблей, своды постепенно обрастали дополнениями, погодными записями о дальнейших событиях и в таком виде в какой-то момент опять использовались новым сводчиком. Из последователей Шахматова особенно строго к использованию понятия “свод” подходил Лурье, неоднократно говоривший на лекциях и писавший, что “летописный свод” в шахматовском понимании можно лишь реконструировать, но неправильно, например, называть “сводами” при публикации реальные летописные памятники. Издать можно лишь конкретную летопись, например, Лаврентьевскую, внутри которой сокрыт свод 1305 г. и другие более древние своды, и воссоздать их можно в результате реконструкции.

Настоящим этапом летописной работы и актом творчества Шахматов считал только составление сводов, а не ведение погодных записей. Понять историю этих этапных моментов можно, по его мнению, сопоставляя между собой дошедшие до нас списки летописей, чтобы добраться до их

общих протографов (сводов) сначала первого ряда, а потом, сличая между собой уже последние, доходя до протографов второго ряда и т.д. Шахматов продемонстрировал это в своих работах, связав в единую схему (через своды-протографы) практически все известные в его время летописи.

Критика начальной части этой схемы, в том числе признание или непризнание всех древнейших сводов по Шахматову, включая Нсв, долгое время носила частный характер. Исключение составляют работы А.Г. Кузьмина. Продолжая линию своего учителя М.Н. Тихомирова (последний в конце жизни предпринял наступление на схему А.А. Шахматова и его метод, что наиболее полно отразилось в оставшейся незаконченной монографии о “начале русской историографии” [2, с. 824–864]), Кузьмин подверг критике сам шахматовский метод. Он выступил против тезиса о том, что только источник служит единственной основой знаний об истории, апеллируя к так называемому внеисточниковому знанию и критикуя “источниковедческий монизм” и “рафинированный позитивизм” филологов и текстологов, например, Лурье. Я.С. Лурье оценил подход А.Г. Кузьмина как ненаучный, написав об этом в ряде специальных статей по методологии источниковедения [31]. Позиция Кузьмина подверглась критике, например, в совместной статье Д.С. Лихачёва, В.Л. Янина и Я.С. Лурье [32]. Кузьмин предложил “отказ от реконструкции текстов и жёстких приурочений времени и места создания предполагаемых исторических сочинений”, поскольку Шахматов не увидел “невозможность некоторых построений”, им предложенных, с исторической точки зрения. Кузьмин считал, что Шахматов строил многочисленные гипотезы, желая подчинить “разнородный летописный материал” единой схеме, в результате чего летописание у него стало выглядеть “как единое вековое дерево”, но при этом было “оторвано от породившей его общественной среды, замкнуто в себе самом”. В противоположность этому Кузьмин предложил признать множественность летописных традиций, которые нельзя свести к одной генеалогии, и, как М.Н. Тихомиров, призвал учитывать поздние летописные памятники при реконструкции ранних этапов летописания [33, с. 41–45].

Одновременно с этим спором новый подход к раннему летописанию предложил в конце 1960-х годов М.Х. Алешковский. Полный текст его работы, посвящённой ПВЛ и развивающей идеи Шахматова, опубликован лишь недавно [34]. Алешковский, и на это справедливо указали во вступительной статье издателя, обратил внимание не только на своды (их существование он не отрицал, как и Шахматов не отрицал существование в истории летописания погодных записей). Исследователь пришёл к выводу, что в любой летописи сохрани-

лись следы работы как сводчиков, так и анналистов, и последние фрагменты имеют определённые признаки, по которым их можно выделить. Таким образом, Алешковский фактически ликвидировал разрыв в методе, возникший между трудами Шахматова и предшествующей традицией. На основе нового подхода к тексту ПВЛ он сформулировал ряд гипотез, в некотором смысле существенно изменявших схему Шахматова.

После безвременной смерти М.Х. Алешковского прошло немало лет, и предложенный им метод на материале раннего летописания развивало новое поколение исследователей — А.А. Гиппиус, Т.В. Гимон, А. Тимберлейк, С.М. Михеев. Двое первых сосредоточили внимание сначала на истории текста Новгородской первой летописи. Гиппиус начал с изучения её древнейшего Синодального списка (Син.) и сделал в этой области настоящий прорыв [35, с. 3–72; 36; 37, с. 114–251]. Тимберлейк исследовал Лаврентьевскую летопись [38].

Представляется, что А.А. Гиппиус в своих построениях оказался более других близок не только к выводам Шахматова, но и к ходу мысли последнего, хотя и отказался от многих частей его схемы. Взгляд Шахматова на летописание как на исключительно компилятивный процесс, по мнению Гиппиуса, ошибочен. Он был обусловлен отсутствием оригиналов древнейших летописей. Между тем мы многое можем сказать об оригинале Новгородской владычной летописи (Нвл), которая представляла долгое время одну пергаменную рукопись, ежегодно пополнявшуюся новыми записями. Отдельные её части и тетради редактировались и даже заменялись. Важно, что А.А. Гиппиус, как и Т.В. Гимон, обратили внимание на особенности летописания на пергамене, признавая, что оно отличалось от традиции ведения летописей на бумаге. На это же обратил внимание и А.П. Толочко. Можно считать появление этого сюжета новацией в исследованиях летописания. По Гиппиусу, нет оснований полагать, что Нвл широко копировалась в XII–XIV вв., долгое время существовал только оригинал и Син. — список, изготовленный в XIII в. в Юрьевом монастыре и там же пополнявшийся в первой половине XIV в. Позднее Нвл отразилась в списках Н1 младшей редакции (Н1мл).

Хотя Шахматов и был лингвистом, он специально не занимался анализом языка летописи, тогда как Гиппиус этот анализ предпринял. Поскольку в основе Син. лежит погодная летопись, которая велась при владычном дворе, и поскольку, согласно Гиппиусу, этот список не далеко отстоял во времени от оригинала Нвл., он произвёл анализ языковых различий в тексте Син. и увидел “швы” в летописном повествовании и указания на границы работы одного летописца и на смену его другим. Исследователь предположил, что при

переписывании Нвл лексика, структура текста и его стиль были изменены в небольшой степени и что писцы верно передавали особенность оригинала. В результате специального лингвистического исследования получен впечатляющий результат — разделение текста Син. (значит, согласно А.А. Гиппиусу, и Нвл) на сегменты. Из наблюдений над ними сделан важный вывод: границы семи из девяти выделенных учёным сегментов совпадают со временем смены епископов на Новгородской кафедре. Таким образом, если Гиппиус прав, то смена новгородского владыки влекла за собой смену летописца, который вёл владычную летопись. Этот вывод пока никем не опровергнут. Разумеется, столь жёсткая связь ведения летописи со сменами владык — только гипотеза. К таким же научным гипотезам относились и построения Шахматова, в которых читателей со временем перестала удовлетворять аргументация то по одному, то по другому вопросу. Не думаю, что А.А. Шахматов был бы против, если бы узнал об этом: он смотрел на науку как на живое дело и никогда не считал свои научные труды последней истиной, о чём, в частности, говорит его переписка с коллегами [39].

При чтении работ А.А. Гиппиуса встаёт ещё один старый и спорный вопрос: что служит признаком заимствования текста? Обязательно ли нужно текстуальное совпадение, чтобы говорить о заимствовании? Перерабатывали ли летописцы свои источники, излагали ли их своими словами? Так, в Н1 под 1203–1204 гг. имеется группа известий владимирского происхождения о южнорусских событиях. Гиппиус предложил связать их с пребыванием на Новгородской кафедре епископа Митрофана. Е.Л. Коняевская показала, что текстуальные совпадения с северо-восточным летописанием присутствуют лишь у части “южнорусских” статей Н1 за эти годы, в других же совпадает только набор известий [40, с. 98–109; 41, с. 504–506]. Такого рода наблюдения всегда вызывали вопросы, и не только в случае с ранним, но и с поздним летописанием. О чём говорит совпадение сюжетов при отсутствии текстуального тождества? Летописец мельком посмотрел какой-то текст, но не имел возможности скопировать его, затем по памяти и другими словами пересказал его? А может быть, о некоторых важных событиях невозможно было не рассказать? Или это разные варианты записи устных рассказов очевидцев? Случай, когда это можно проверить, редки. Очевидно, снова приходится смириться с тем, что уверенно ответить на данные вопросы мы никогда не сможем.

Не все построения А.А. Гиппиуса, касающиеся истории текста Нвл, кажутся одинаково убедительными. Часто это догадки, что объяснимо: как и Шахматов, Гиппиус стремится дать объяснения как можно большему числу летописных данных,

и иногда объяснения построены по следующему принципу: “ничто не мешает” (одно из любимых выражений учёного) предположить то-то и то-то. Здесь в самих приёмах Гиппиус ближе к Шахматову, чем, например, к Лурье, который требовал, чтобы гипотеза была не только возможной, но и необходимой. Я бы отметила ещё один момент сходства подходов к летописям у Шахматова и Гиппиуса. В схеме Шахматова большую роль играло взаимное влияние разных летописей друг на друга. Гиппиус также допускает постоянные изменения, вносимые в летопись то в виде приписок, то вставных листов, то новых тетрадей, содержащих отредактированный текст. Особенно важную роль в концепции Гиппиуса играют вставные листы. Так, наличие в Син. одной из повестей при отсутствии её в Н1мл. объясняется тем, что в их общий протограф вставили лист, и в таком виде этот протограф переписали в Син., а потом этот вставной лист успел потеряться. И, конечно, замечательно, что Гиппиус, как и Шахматов за сто лет до него, постаралась восстановить картину ушедшей жизни, в данном случае средневекового Новгорода, и людей, которых можно или назвать по имени, или связать с теми, чьи имена нам известны. В результате сегментирования Син. у нас появилось новое знание о новгородских летописцах. Такое знание всегда гипотетично: например, Нестор стал считаться составителем ПВЛ в XVIII в. также в результате научной гипотезы, поскольку его имя читается в одном (не самом раннем) списке ПВЛ и в Киево-Печерском патерике, но сравнение с другими текстами, ему приписываемыми, согласно исследованиям С.А. Бугославского, показывает, что ПВЛ составлял не он. Другой признанный летописец, Никон, также был поставлен под сомнение А. Тимберлейком.

Т.В. Гимон [41] вслед за А.А. Гиппиусом провёл тщательный анализ текста Син. уже как историк. Он решил ответить на вопрос, заданный ещё Шахматовым: как именно составлялись погодные летописи? Опираясь на выводы Гиппиуса о владычных летописцах, постоянно продолжавших кодекс (пример плодотворного сотрудничества лингвиста и историка), Гимон выделил у каждого летописца “разнообразные манеры”, которые нельзя тем не менее назвать индивидуальными чертами. Это приёмы составления текста: одни летописцы вели бессистемные записи иногда сразу за несколько лет, другие отличались обозначением точных дат (фрагмент с отсутствием дат определяется как указание на перерыв в летописании, когда текст был написан задним числом), есть записи не чаще раза в год, иногда летописцы вели летопись синхронно событиям, иногда делали длительные перерывы.

Достижение Т.В. Гимона состоит в том, что он ввёл, наконец, русские летописи в мировой кон-

текст. Раньше полагалось делать акцент на уникальности русского летописания, на его отличии от западноевропейских и византийских хроник. После книги Гимона можно утверждать, что параллели с определёнными группами средневековых анналов-хроник возможны, хотя не всегда очевидно, что они дают, и можно ли распространять знания о западных анналистических практиках на русский материал. Кстати, любопытно наблюдение о том, что в английских анналах можно увидеть “работу летописца-сводчика, использовавшего в своей работе несколько источников, но при этом в каждой погодной статье опиравшегося только на какой-либо один из них”. Это совпадает с некоторыми наблюдениями над поздним русским летописанием: летописцы составляли компиляции, главным образом не пересказывая источники, но выбирая то один, то другой из них, иногда поясняя, что есть другие варианты (“некие же глаголят”).

Можно отметить ещё одну важную для истории летописания мысль в книге Т.В. Гимона: создатели англо-саксонских сводов “местами механически копировали текст источников, допускали ошибки, оставляли (в заключительной части летописи) пустые места для внесения новой информации”, хотя “в некоторых случаях проявляли творческий подход и даже цельность замысла” [41, с. 513, 521]. Это важное замечание в связи с вопросом о том, должно ли всегда искать в исходном тексте логичность и связность и всегда ли ошибки и противоречия служат показателем вторичности текста или признаком вставок.

Лингвистическая стратификация Н1 кажется в целом удачно решённой задачей (во всяком случае, на настоящем этапе). А. Тимберлейк предложил, используя лингвистический анализ, выделять “интервалы” в Лаврентьевской летописи [38]. Гиппиус позднее обратился к тексту ПВЛ [42–44], сохранившемуся, в отличие от Нвл, в списках, отстоящих на несколько веков от оригинала, переписывавшегося много раз. Но поскольку вслед за Алешковским Гиппиус полагал, что в Киево-Печерском монастыре (в 1090–1110-х годах) велась погодная летопись, то есть ПВЛ – это не только свод, то лингвистическая стратификация, по его мнению, возможна. Со своей стороны Гимон, имея в виду традиционное исследование приёмов работы летописцев, также утверждает (хотя и с оговоркой), что “изучение приёмов работы создателей ПВЛ – довольно благодарная задача, поскольку в части до начала XI в. в Н1мл сохранился текст непосредственного источника ПВЛ – Начального свода (если, конечно, мы признаём эту гипотезу А.А. Шахматова)” [41, с. 516].

Остановимся на наиболее важных положениях этого нового направления. А.А. Гиппиус принял анализ “языковой гетерогенности летописей”, полагая, что “анналистическая природа

летописи”, создаваемой путём постепенного накопления погодных записей, может отражать “постепенность языковой эволюции” [42]. Он сопоставил старые и новые формы аористов от глагола *реши* в ПВЛ и пришёл к выводу, что в основе ПВЛ лежит некий текст (первоначальное ядро), созданный в первой половине XI в. Таким образом, на совершенно новом основании Гиппиус подкрепил наиболее спорную концепцию Шахматова о составлении Древнейшего свода в первой половине XI в., хотя структуру этого первоначального ядра ПВЛ он видит иначе, чем Шахматов. Новый метод, по Гиппиусу, должен работать в сочетании с традиционными приёмами текстологии. Поэтому, кроме материала языка, вслед за Шахматовым Гиппиус привлёк в качестве аргументов результаты анализа “содержательных противоречий, нарушений последовательности изложения, грамматической и смысловой связности текста”. Полученные при анализе употребления форм аориста от *реши* указания на вставки в первоначальный текст, по его мнению, подкрепляются обнаружением дублированных и нарушений связности изложения, определяемых традиционными способами. Поэтому Гиппиус считает доказанными следующие положения: подтверждается гипотеза Шахматова об отражении в Н1мл более древнего, чем ПВЛ, текста, то есть гипотеза о Нсв; в основе ПВЛ и свода 1090-х годов (Нсв) лежал текст, не разделённый по годам — первоначальное ядро ПВЛ, обросшее более поздними напластованиями, разграничиваемыми лингвистически. Его восстановление — “текстологическая необходимость”, без которой нельзя понять многие особенности текста ПВЛ. Что касается уточнённой датировки этого ядра, то Гиппиус предположил даже, что поскольку его текст распространяется не далее крещения Руси, это “позволяет не исключать возможности появления его ещё в княжение Владимира”.

Итак, предложен новый метод, претендующий на разрешение многих старых проблем в истории текста ПВЛ. Нельзя не признать, что со времён А.А. Шахматова это самый весомый вклад в исследование начала летописания. Он сделан тогда, когда в этой сфере (начиная со второй половины XX в.) наблюдалась определённая стагнация, особенно заметная на фоне серьёзных успехов в исследовании летописания XIV—XVI вв., постоянно дающего новые результаты, на что уже обратил внимание С.Я. Сендерович. Появление работ А.А. Гиппиуса вывело дискуссию на новый уровень и, безусловно, многократно оживило интерес к проблеме. Однако это же оживление привело к появлению альтернативных объяснений и критики со стороны оппонентов.

В наиболее определённой форме результаты лингвотекстологической стратификации ПВЛ, предложенной А.А. Гиппиусом, подвергла крити-

ке О.Б. Страхова [45]. Она отвергла не только конкретные результаты этого исследования, но и сам принцип подобной стратификации, уподобив его присущей учёным XVI—XVII вв. практике объявления поздними вставками тех языковых элементов, “которые по тем или иным причинам не подходят исследователю”. Взамен предложено признать появление “разновременных и разнородных языковых признаков в пределах одного памятника, особенно такого, который принадлежит *открытой* рукописной традиции”, специфическим явлением текста, а “не явлением языка”, поскольку “здесь мы имеем дело с накоплением языковых характеристик в течение длительной, часто многовековой, переписки памятника”. По мнению Страховой, прямое перенесение выводов истории языка на материал более сложный, то есть материал книжности и истории текста, не даёт надёжных результатов. Сосуществование старых и новых языковых форм (в том числе старых и новых форм аориста от *реши*) часто оказывается явлением, которое прослеживается через всю историю развития церковнославянского языка. А поскольку в Киевской Руси XI в. старые формы аористов от *реши* звучали в богослужении, то “история старых и новых форм аористов — это история их бесконечной вариативности” в памятниках письменности, обусловленной самыми разными причинами. По мнению Страховой, распределение старых и новых языковых форм в памятниках летописания не может быть “детерминирующим хронологическим маркером, позволяющим установить время создания памятника”.

Гиппиус посвятил отдельную работу разбору точки зрения Страховой. Он согласился с тем, что существование старых и новых форм аористов от *реши* сложилось гораздо раньше XI в. и не у восточнославянских книжников. Однако, отметив, что это не влияет на предлагаемый им метод выявления интерполяций в тексте ПВЛ, повторил и даже укрепил свои выводы относительно истории её текста [46]. Сложилось две определённо сформулированных позиции по отношению к стратификации летописных текстов на основании данных языка. И мы, надеюсь, будем наблюдать продолжение полемики, в которой примут участие лингвисты. Идеи Гиппиуса получили развитие в монографии С.М. Михеева [47; 48, с. 74—79]. Отмечу также статью Л.Ф. Килиной, рассматривающей предложенное Гиппиусом направление и продвигающей ту точку зрения, что “в качестве минимальной единицы лингвотекстологического анализа” должна рассматриваться фраза и что языковые изменения следует рассматривать “в пределах формул, которыми насыщены летописные тексты” [49].

Жаркие споры развернулись вокруг других вопросов истории текста ПВЛ. Отметим две наиболее интересные дискуссии: о Нсв и о редакциях

ПВЛ. Участники обнаружили незаурядное остроумие и открытость для новых взглядов на летописание. Не имея возможности подробно рассматривать все аргументы сторон, обозначу их позиции. Хотя схема древнейшего летописания Шахматова целиком никем, кроме М.Д. Присёлкова, не была принята, гипотеза о Нсв как общем источнике ПВЛ и Н1мл считалась в XX в. не опровергнутой. Более того, признавалось, что она получила новое подкрепление со стороны О.В. Творогова [50, с. 99–113; 51, с. 3–26]. Гиппиус выступает сторонником существования Нсв и метода Шахматова в целом, хотя и дополняет его собственными приёмами, а гипотезу Шахматова о Нсв. принимает лишь в её главном положении. Ранее сомнения в существовании Нсв высказывали многие учёные, относительно недавно к ним присоединился Д. Островский [52–54], но главным оппонентом гипотезы о Нсв в этом вопросе сейчас выступает киевская исследовательница Т.Л. Вилкул. Она отвергает идею Гиппиуса о том, что гипотеза Шахматова о Нсв текстологически необходима, и предлагает другие объяснения истории и структуры текста ПВЛ без предложенных Шахматовым решений. Вилкул не согласна, что в Н1мл отражён более ранний текст, чем в ПВЛ, полагая, что до статьи 1016 г. Н1мл воспроизводит текст ПВЛ, а после этого – текст Син. [55–61]. В последнее время скепсис по поводу Нсв вызывает положительные отклики [62], но пока проблема не может оцениваться как решённая. И гипотеза Шахматова, и построения его противников в вопросе о Нсв – результат исследований; аргументы нужно ещё подробно анализировать и разбирать. В настоящее время точка не поставлена, несмотря на то, что пока последнее слово за скептиками. Что касается более ранних, чем Нсв, источников ПВЛ, то это по-прежнему наиболее гипотетичное звено схемы. Гиппиус уверенно пишет об их наличии, хотя и здесь он иначе, чем Шахматов, смотрит на изначальное “ядро” ПВЛ и его последующую трансформацию [44; 63, с. 98–112].

Относительно редакций ПВЛ А.А. Шахматов несколько раз менял свою позицию, но в целом, выделял их три: первоначальная редакция, редакция Сильвестра 1116 г., в основном отражённая в Лаврентьевском списке и сходных, и редакция 1118 г., связанная с князем Мстиславом Владимировичем, в основном отражённая в Ипатьевском списке и сходных (Шахматов предполагал взаимное влияние второй и третьей редакций в сохранившихся списках ПВЛ). Критику этого построения начал ещё В.М. Истрин, а затем от третьей редакции ПВЛ предложили отказаться Л. Мюллер и О.В. Творогов [64, с. 225, 226; 65, с. 173–186; 66, с. 203–209; 67]. А.А. Гиппиус пересмотрел проблему, вернувшись к гипотезе о третьей редакции, хотя и видоизменил частично шахматовскую схему редакций ПВЛ, приняв некоторые аргументы

её критиков [68, 69]. В частности, Гиппиус полагает, что контаминированность всех сохранившихся списков ПВЛ Шахматов преувеличил, хотя, безусловно, этим отличается Радзивилловский список. К тому же Гиппиус пошёл дальше Шахматова в определении летописных слоёв ПВЛ, принадлежащих третьей редакции. Его аргументы повлияли на Л. Мюллера, принявшего их и пересмотревшего свою предыдущую точку зрения [70]. Число скептиков тем не менее росло: к ним присоединились И.Н. Данилевский и А.П. Толочко [71, 72]. После выхода работ последних А.А. Гиппиус заново проанализировал летописную статью 1096 г., трактовка которой служит одним из главных оснований в данной полемике, рассмотрел аргументы оппонентов и подтвердил собственный взгляд о верности в целом гипотезы Шахматова, но затем последовала статья Вилкул, занимающей скептическую позицию и по этому вопросу [73, с. 251–264; 74].

Можно привести примеры и других споров относительно истории текста раннего летописания. Но разница подходов, как кажется, уже определилась. Представители всех обозначенных выше направлений будут, по-видимому, искать новые аргументы для подтверждения своих гипотез. И это значит, что ПВЛ, Н1 и другим памятникам раннего летописания сегодня необыкновенно повезло. Сто лет назад, когда появились работы Шахматова, у него не оказалось достойного оппонента (возможно, за исключением Истрина), который разбирал бы и проверял все его построения по началу летописания. Многими современниками они принимались на веру. Но сегодня мы оказались свидетелями активной научной полемики, в ходе которой участники подробно взвешивают аргументы друг друга, и, что особенно важно, такие споры ведут представители разных школ, наук и стран. Это всегда идёт на пользу памятникам.

Сейчас, когда столь большую активность в изучении летописания демонстрируют лингвисты, важно чтобы свои методы исследования предложили историки и литературоведы. Необходимо продолжать накопление материала, позволяющего ответить на ряд вопросов. Как быть с особенностями летописания как жанра, его поэтики, о которой писали Д.С. Лихачёв, О.В. Творогов и другие авторы? Как учитывать при расчленении текста летописи тот факт, что летописцы использовали старые конструкции, заменяя имена и названия, приспособив под свои нужды готовые штампы, находившиеся в их распоряжении? Важно также понять, можно ли богатый материал более позднего летописания использовать для ответа на эти и другие вопросы в отношении летописания раннего? В какой мере компилятивность есть черта древнерусской культуры в целом,

а может быть, и любой средневековой культуры и как это влияет на подходы к летописанию?

Не следует также забывать, что знание о структуре раннего летописания, его первых этапах, ядре и позднейших напластованиях — это не самоцель и не последнее, что мы хотим получить в результате научного исследования. Вопрос, поставленный когда-то ещё Й. Добровским, остаётся в силе, что показала, в частности, книга А.П. Толочко. Как мы должны воспринимать наши ранние летописи в плане информации, которую они несут? Неслучайно споры о природе политической власти и социальной структуры Древней Руси продолжают до сих пор и идут они не менее остро, чем дискуссии вокруг истории текста древнейших летописей.

Наконец, хочется напомнить, что речь должна идти не только о научных изысканиях как таковых. А.А. Гиппиус, например, убедительно показал, что существующие переводы ПВЛ на современный русский язык несовершенны и нуждаются в уточнении [43]. До сих пор у нас нет критического издания ПВЛ с подробным научным комментарием. Комментирование не было заложено в традицию публикации летописей в Полном собрании русских летописей. Долгие годы роль такого издания исполняла двухтомная публикация ПВЛ в серии “Литературные памятники”, подготовленная Д.С. Лихачёвым под редакцией В.П. Адриановой-Перетц почти 70 лет назад [75]. Недавно появилось ещё одно издание ПВЛ [76]. При некоторых явных его недостатках [77], идущих от того, что привлечённых сил оказалось недостаточно для такой грандиозной работы, это пока единственная современная попытка комментированного издания ПВЛ, и многие из примечаний, например, написанные А.Г. Бобровым, представляются важным вкладом в исследование памятника.

Думаю, что накопленный материал позволяет приступить к академическому изданию ПВЛ с привлечением для написания подробных комментариев лучших сил из разных областей науки: лингвистов, текстологов, историков, историографов, археологов и искусствоведов. Только большому и разностороннему научному коллективу под силу поднять эту работу. В дальнейшем того же заслуживают другие летописные памятники. Представляется, что комментарии могут отражать все (или хотя бы основные) накопившиеся за несколько столетий точки зрения по поводу каждого из чтений летописи, и, возможно, в этом смысле полезно изучить примеры комментирования в академических изданиях памятников права — “Правды Русской” и общерусских судебных под редакцией Б.Д. Грекова [78, 79].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Забелин И.Е.* Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи. Ч. 2. М.: Тип. Грачёва и К°, 1873.
2. *Аристов В.Ю.* Алексей Шахматов и раннее летописание: метод, схема, традиция. Киев: Laugus, 2018.
3. *Вовина-Лебедева В.Г.* Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.
4. *Нестор.* Русские летописи на древнеславянском языке, сличённые, переведённые и объяснённые Августом Лудовиком Шлёцером. Ч. 1. СПб.: Императорская типография, 1809.
5. *Умбрашко Е.В.* Исторические труды Б.Г. Нибура в творчестве Н.А. Полевого и “скептической школы” // История и историк. 2002. № 1. С. 245–263.
6. *Погодин М.П.* Нестор, историко-критические рассуждения о начале русских летописей. М.: Университетская типография, 1839.
7. *Погодин М.П.* Обзорение Несторовой летописи по источникам // Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории. Т. 1. М.: Университетская типография, 1846.
8. *Погодин М.П.* Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. М.: Типография Ф.Б. Миллера, 1874.
9. *Толочко А.П.* Очерки начальной Руси. Киев; СПб: Laugus, 2015.
10. *Лурье Я.С.* Схема истории летописания А.А. Шахматова и М.Д. Присёлкова и задачи дальнейшего исследования летописей // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 44. Л.: АН СССР; Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1990.
11. *Носов Е.Н.* Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 1999.
12. *Вовина-Лебедева В.Г.* К. Лахман и А.А. Шахматов // Canadian-American Slavic Studies. 2016. V. 50. № 1. P. 26–40.
13. *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009.
14. *Назаренко А.В.* Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 г. Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016.
15. *Ерёмин И.П.* Повесть временных лет: Проблемы её историко-литературного изучения. Л.: Изд-во и тип. изд-ва Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та, 1946.
16. *Ерёмин И.П.* Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. М.; Л.: Наука, 1966.
17. *Сендерович С.Я.* Метод Шахматова, раннее летописание и проблема русской историографии // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. Ч. 2. М.: Языки русской культуры, 2000.

18. *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект Пресс, 2004.
19. *Данилевский И.Н.* Историческая текстология. Учебное пособие. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018.
20. *Творогов О.В.* Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 20. Л.: АН СССР; Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1964.
21. *Творогов О.В.* Традиционные устойчивые словосочетания в “Повести временных лет” // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 18. Л.: АН СССР; Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1962.
22. *Лихачёв Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979.
23. *Ранчин А.М., Лаушкин А.В.* К вопросу о библеизмах в древнерусском летописании // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 125–137.
24. *Данилевский И.Н.* Замысел и название Повести временных лет // Отечественная история. 1993. № 5. С. 101–110.
25. *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994.
26. *Лурье Я.С.* Россия древняя и Россия новая. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
27. *Müller J.* Altrussische Geschichte nach Nestor: Mit Rücksicht auf Schlözers Russische Annalen, die hier berichtet, ergänzt und verm. werden / Von Joseph Müller. Josef Dobrowsky [Mitarb.]. Berlin: Maurer, 1812.
28. *Бестужев-Рюмин К.Н.* О составе русских летописей до конца XIV в. // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 4. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1868.
29. *Вовина-Лебедева В.Г.* Издания и исследования русских летописей в первой половине XIX в. на фоне европейского опыта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2011. Вып. 4. С. 3–12.
30. *Вовина-Лебедева В.Г.* А.А. Шахматов и “русские младограмматики” // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб.: Нестор-История, 2006.
31. *Лурье Я.С.* Избранные статьи и письма. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2011.
32. *Лихачёв Д.С., Янин В.Л., Лурье Я.С.* Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 194–203.
33. *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М.: Изд-во МГУ, 1977.
34. *Алешковский М.Х.* Повесть временных лет. Из истории создания и редакционной переработки. М.: Изд-во МГУ, 2015.
35. *Гиппиус А.А.* Из истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. № 6(16). СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
36. *Гиппиус А.А.* К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М.: Русские словари, 1999.
37. *Гиппиус А.А.* Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и её авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2004–2005). М.: Древлехранилище, 2006.
38. *Timberlake A.* Who wrote the Laurentian Chronicle? (1177–1203) // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2000. Bd. 59. H. 2. S. 237–265.
39. *Шахматов А.А.* Избранная переписка. В 3-х томах. Т. 1. Переписка с Ф.Ф. Фортунатовым, В.Н. Петретцем, В.М. Истриным. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.
40. *Коняевская Е.Л.* “Южнорусские” статьи первой половины XIII в. в новгородских летописях // Новгородский исторический сборник. Вып. 11(21). СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.
41. *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование. М.: Университет Дмитрия Пожарского; Русский фонд содействия образованию и науке, 2012.
42. *Гиппиус А.А.* Рекоша дружина Игорев. К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. V. 25. № 2. P. 147–181.
43. *Гиппиус А.А.* О критике текста и новом переводе-реконструкции “Повести временных лет” // Russian Linguistics. 2002. V. 26. № 1. P. 63–126.
44. *Гиппиус А.А.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вестник литер. К 60-летию В.М. Живова. М.: Языки славянских культур, 2006.
45. *Страхова О.Б.* “Рекоша дружина Игорев...” К статье А.А. Гиппиуса о лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Palaeoslavica. 2008. V. XVI. № 2. P. 248–287.
46. *Гиппиус А.А.* Рекоша дружина Игорев-3. Ответ О.Б. Страховой (Ещё раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // Palaeoslavica. 2009. V. XVII. № 2. P. 248–287.
47. *Михеев С.М.* Кто писал “Повесть временных лет”? М.: Индрик, 2011.
48. *Добровольский Д.А., Михеев С.М.* Компьютерные алгоритмы лингвотекстологической стратификации Повести временных лет // Информационные технологии и письменное наследие. Материалы международной научной конференции. Уфа. 28–31 октября 2010 г. Уфа; Ижевск: Ижевский гос. технический ун-т, 2010.
49. *Килина Л.Ф.* Лингвотекстологическое исследование русских летописей: к постановке проблемы // Вестник Удмуртского университета. 2010. Вып. 2. С. 9–12.
50. *Творогов О.В.* Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 28. Л.: АН СССР; Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1974.

51. *Творогов О.В.* Повесть временных лет и Начальный свод. (Текстологический комментарий) // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 30. Л.: АН СССР; Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1976.
52. *Ostrowski D.* The Načal'nyj svod theory and The Povest' vremennyh let // *Russian Linguistics*. 2007. V. 31. № 3. P. 269–308.
53. *Gippius A.A.* Reconstructing the original of the Povest' vremennyh let: a contribution to the debate. К реконструкции оригинала Повести временных лет: продолжение дискуссии // *Russian Linguistics*. 2014. V. 38. № 3. P. 341–366.
54. *Ostrowski D.* Textual Criticism and the Povest' vremennykh let: Some Theoretical Considerations // *Harvard Ukrainian Studies*. 1981. V. 5. № 1. P. 11–31.
55. *Вилкул Т.Л.* Літопис і хронограф. Студії з текстології домонгольського кийівського літописання. Київ: Інститут історії України НАН України, 2015.
56. *Вилкул Т.Л.* Новгородская летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. 2003. V. XI. P. 5–35.
57. *Вилкул Т.Л.* Повесть временных лет и Хронограф // *Palaeoslavica*. 2007. V. XV. № 2. P. 56–16.
58. *Вилкул Т.Л.* Толковая Палея и Повесть временных лет. Сюжет о “раздѣлении языкъ” // *Ruthenica*. 2007. VI. С. 37–85.
59. *Вилкул Т.Л.* Древнеславянский перевод Хроники Георгия Амартола в Повести временных лет и Новгородской первой летописи младшего извода // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2014. № 2(56). С. 11–20.
60. *Вилкул Т.Л.* Об источниках статьи 6428 года Новгородской первой летописи младшего извода о походе руси на Константинополь // *Русская литература*. 2015. № 2. С. 114–131.
61. *Вилкул Т.Л.* О хронографических источниках Повести временных лет и времени появления древнерусских хронографов // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2013. Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016.
62. *Isoaho Mari.* Shakhmatov's Legacy and the Chronicles of Kievan Rus' // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2018. V. 19. № 3. P. 637–648.
63. *Timberlake A.* “Не преступати предѣла братня”: The entries of 1054 and 1073 un the Kiev Chronicle // *Вестник литер.* К 60-летию В.М. Живова. М.: Языки славянских культур, 2006.
64. *Истрин В.М.* Замечания о начале русского летописания. По поводу исследований А.А. Шахматова в области древнерусской летописи // *Известия отделения русского языка и словесности Академии наук*. Т. 27. Л.: Б. и., 1924.
65. *Müller L.* Die “dritte Redaction” der sogenannten Nestorchronic // *Festschrift für Margarete Woltner zum siebzigsten Geburtstag*. Heidelberg: Carl Winter, 1967.
66. *Творогов О.В.* Существовала ли третья редакция “Повести временных лет”? // *Сборник памяти Я.С. Лурье*. СПб.: Atheneum; Феникс, 1997.
67. *Timberlake A.* Redactions of the Primary Chronicle // *Русский язык в научном освещении*. 2001. № 1. С. 196–218.
68. *Gunnuys A.A.* К проблеме редакций Повести временных лет. I // *Славяноведение*. 2007. № 5. С. 20–44.
69. *Gunnuys A.A.* К проблеме редакций Повести временных лет. II // *Славяноведение*. 2008. № 3. С. 3–23.
70. *Müller L.* Die Herkunft des Textes der Erzählung über Boris und Gleb im Chronikartikel über das Jahr 6523 (1015) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2008. № 3(33). С. 86–99.
71. *Данилевский И.Н.* “Сии 4 лѣта”: когда они наступили? // *Ruthenica*. 2010. № 9. С. 7–17.
72. *Толочко А.П.* «Слышахомъ преже трѣи лѣтъ» // *Ruthenica*. 2011. № 10. С. 224–228.
73. *Gunnuys A.A.* Гюрята Рогович и его роль в русской эсхатологии (к интерпретации летописной статьи 6604) // *Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения)*. СПб.: Нестор-История, 2015.
74. *Вилкул Т.Л.* “Преже сихъ 4 лѣтъ” 1096 г. Бестужева-Рюмина, Шахматова и составителя Повести временных лет // *Palaeoslavica*. 2017. V. XXV. № 2. P. 229–247.
75. *Повесть временных лет*. Ч. 1–2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
76. *Повесть временных лет*. СПб.: Вита Нова, 2012.
77. *Вовина-Лебедева В.Г., Лесман Ю.М.* Двести лет после Шлѣцера... (К выходу нового комментированного издания “Повести временных лет”) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2014. № 2(56). С. 114–126.
78. *Правда Русская*. Т. 2. Комментарии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
79. *Судебники XV–XVI веков / Под общ. ред. акад. Б.Д. Грекова*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.